

Кушнерев Иван Николаевич

Очерки и рассказы

В 2-х частях. Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Николаевич К.**
Очерки и рассказы: В 2-х частях. Часть 2 / Кушнерев Иван Николаевич – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 352 с.

ISBN 978-5-519-92066-7

ISBN 978-5-519-92066-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

но. въ лѣсныхъ дачахъ, покосахъ, а впослѣдствіи и удобствомъ сообщенія съ обѣими столицами.—Послѣ двухлѣтняго счастливаго супружества молодыхъ Іолиныхъ (здѣсь слово «молодые» ненадо понимать въ значеніи буквальномъ), Анна Ивановна подарила Андрея Ивановича сыномъ, нарѣченнымъ при крещеніи,—разумѣется, въ честь дѣдушки,—Иваномъ. Счастливые супруги были въ восторгѣ. Но не смотря на то, Андрей Ивановичъ, жившій до-сихъ-поръ съ своей дражайшей половиной въ мирѣ и согласіи, съ появленіемъ на свѣтъ Вани, вдругъ началъ съ нею спорить, а иногда и ссориться. Причиною домашнихъ сценъ былъ, разумѣется, не кто другой, какъ маленькій Ваня. Бригадиръ былъ нрава крутаго,—любилъ, чтобъ всѣ, окружающіе его, смотрѣли ему въ глаза, и по первому требованію, даже намеку, исполняли малѣйшія прихоти старика.—«Я у себя въ домѣ глава»,—говаривалъ онъ, поглаживая усы,—«и для васъ, Анна Ивановна, я долженъ быть тоже, что полковой командиръ въ полку; а потому и маршъ исполнять то, что мнѣ угодно». Слово—*маршъ*, было любимымъ словомъ Андрея Ивановича. Привыкнувъ съ малолѣтства къ военной дисциплинѣ, онъ думалъ, кажется, поставить

всѣхъ на военную ногу, начиная отъ жены до послѣдней души ему подвластной, и чуть-ли въ этомъ не успѣлъ? Не говоря уже о томъ, что приказанія его исполнялись съ точностью и неимоверной быстротою,—вся прислуга бригадира проникнута была какимъ-то паническимъ страхомъ къ своему господину, тряслась при видѣ его приближенія, и крестилась, когда онъ проходилъ не сдѣлавъ никакого замѣченія. Не думайте, впрочемъ, чтобы онъ строго обращался съ людьми, чтобы онъ беспощадно наказывалъ ихъ. Сохрани Богъ! Напротивъ, онъ часто прощалъ, не любилъ наказывать, а между тѣмъ всѣ боялись его. Сама Анна Ивановна, иногда, уловивъ веселую минуту, спрашивала:—Скажи мнѣ, пожалуста, Андрей Ивановичъ, отчего тебя всѣ боятся? а вѣдь ты, кажется, ничего—и не дерешься? — «Оттого, матушка, оттого, что такъ и быть должно», — отвѣчалъ самодовольно Андрей Ивановичъ.

Не имѣя другихъ обязанностей, какъ угождать и безпрекословно повиноваться мужу, Анна Ивановна на этомъ трудномъ поприщѣ повиновенія старалась превзойти самое себя. Андрей Ивановичъ не имѣлъ ни малѣйшей причины не только сердиться на нее, но даже показывать

видъ неудовольствія. Домашнее хозяйство все было на рукахъ Анны Ивановны, дотога аккуратной и неутомимой, что каждый грибокъ, каждая ягодка солились или варились неиначе, какъ тщательно осмотрѣнные самой хозяйкой, нѣтъ-ли на нихъ червячка или пятнышка, которые никакъ-бы не ускользнули отъ зоркихъ глазъ Андрея Иваныча и еще, чего добраго, могли-бы его прогнѣвить; но этого никогда не случалось, и Андрей Иванычъ все, что ни кушалъ, — все находилъ прекраснымъ, и за все благодарилъ Анну Ивановну. — «Я, матушка, только дома и ѣмъ со вкусомъ, — говорилъ онъ, — а въ гостяхъ, Богъ знаетъ, что подаютъ». Причемъ онъ поправлялъ свои усы и съ видомъ знатока подвигалъ ближе поставленную передъ нимъ тарелку съ пастилой или вареньемъ, и, похваливая, уничтожалъ все, что на ней было, потомъ снова поглаживалъ усы и отправлялся или отдохнуть, или по хозяйству. Тогда Анна Ивановна, оставшись одна, и находясь въ томъ состояніи, въ какое поставлена была вѣщунья похвалами хитрой лисицы, тотчасъ-же начинала придумывать, чѣмъ-бы еще подчивать Андрея Иваныча, и вотъ, озаренная вѣтлою мыслью, она лукаво улыбалась, гром-

ко кликала Маланью-ключницу и приказывала ей принести изъ кладовой, со второй полки, четвертую баночку отъ окошка, развязывала ее и съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія Андрея Иваныча, который, возвратившись, по-прежнему кушалъ, и по-прежнему хвалилъ. Но явился на свѣтъ Ваня, и все пошло иначе. Чувства безпредѣльной любви, питаемая до тѣхъ-поръ доброй женщиной исключительно къ мужу, теперь должны были раздѣлиться между нимъ и сыномъ, и любовь къ послѣднему едва ли не заняла больше мѣста въ сердцѣ Анны Ивановны. Дотолъ кроткая и предупредительная, она сдѣлалась строптивою и почти невнимательною ни къ кому, кромѣ Вани. Бывало Андрей Иванычъ прикажетъ вбить въ стѣнку гвоздикъ для какой-нибудь домашней potrzeby, и Анна Ивановна сама бѣжала отыскивать молоточикъ; между-тѣмъ какъ теперь она, хотя также бѣжить, но уже не за молоточкомъ, а уговаривать Андрея Иваныча подождать стучать, пока не проснется Ваня. Прежде слово — «маршъ», сказанное мужемъ громкимъ голосомъ, ей нравилось: въ этомъ голосѣ она узнавала своего повелителя, и кротко повиновалась ему; теперь она называетъ тонъ его неумѣстнымъ, грубымъ,

который можетъ служить дурнымъ примѣромъ сыну, несмотря на то, что послѣдній едва только начиналъ лепетать: папа и мама.—Судите, какъ все это должно было раздражать стараго бригадира, избалованнаго безусловной уступчивостью и повиновениемъ жены. Сначала онъ только сердился и называлъ Анну Ивановну юбкой; потомъ, прибавляя мало-по-малу къ этому эпитету новые, онъ каждый разъ награждалъ ее ими съ бѣльшимъ жаромъ, и, такимъ-образомъ, семейныя сцены день-о-то-дня становились тяжеле и тяжеле для обоихъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы Андрей Ивановичъ ужъ былъ до такой степени настойчивъ, что съ нимъ небыло сладу. Правда, онъ разсердится, и ногами затопаетъ, и какъ слѣдуетъ разбранить Анну Ивановну; но гвоздика все-таки не вобьетъ до-тѣхъ-поръ, пока не проснется Ваня. Между-тѣмъ какъ, во все время перебранки съ женой, онъ стоитъ съ поднятымъ къверху молоткомъ, и, повидимому, совершенно готовый стукнуть имъ такъ, что стѣны задрожатъ, но только-что Анна Ивановна переставала браниться и уходила отъ него прочь, онъ бережно клалъ молотокъ на столъ, а гвоздикъ въ карманъ, и, продолжая твердить, ужъ гораздо-тише: «я глава

въ домѣ и мнѣ никто не указъ», отправлялся или по хозяйству, или отдохнуть. И какъ-бы вы думали, чѣмъ она побѣждала своенравнаго старика? Истерикъ онъ никакихъ не боялся, слѣдовательно, способъ этотъ былъ-бы не у мѣста. Бываетъ у женщинъ другая уловка,— обморокъ; но, къ несчастію, Анна Ивановна не умѣла падать такъ, чтобъ не повредить себѣ наружныхъ частей тѣла, несмотря на то, что смолоду практиковалась въ этомъ довольно часто, и всякій разъ находила себя неспособною, потому-что такого рода экзерциціи никогда не обходились ей безъ синяка или боли въ той части корпуса, на которую она падала. Стало-быть, и это, повидимому, столь простое средство противъ капризныхъ мужей, для Анны Ивановны было неудобопримѣнимо; а между-прочимъ она торжествовала, и брала надъ мужемъ верхъ. Чего не дѣлаютъ умъ и находчивость! Въ этомъ случаѣ, она дѣйствовала точно также, какъ поступаютъ съ дѣтьми, вынуждая ихъ въ чемъ-нибудь сознаться. Послѣ угрозъ, а можетъ-быть и наказанія, обращаются къ ребенку съ видомъ болѣе-рѣшительнымъ: — «такъ ты мнѣ не скажешь? хорошо: не говори, не надо. Посмотри, что съ тобой будетъ, — ты и не ожи-

даешь». Бѣдный ребенокъ. въ испугѣ, ломаетъ себѣ голову, что такое съ нимъ будетъ, чего-бы онъ не ожидалъ: если его хотятъ высѣчь, такъ этого онъ всегда можетъ ожидать!... Вѣроятно, думаютъ сдѣлать что-нибудь хуже; въ такомъ случаѣ лучше сознаться, лучше сказать чего и не было,—разсуждаетъ онъ: по-крайней-мѣрѣ узнаю, чего мнѣ ждать. — Точно также поступала и Анна Ивановна. Дойдя до высшей степени раздражительности, она, бывало, плюнетъ, да и скажетъ:—«такъ колоти-же, старый дуракъ: я сама знаю, чѣмъ тебѣ насолить», хлопнетъ дверью и была такова. Не знаю, чѣмъ грозила Анна Ивановна своему мужу, да едвали и самъ онъ это зналъ; но только угроза жены предвѣщала ему что-то недоброе, и въ тоже время ему слышался чей-то голосъ, который говорилъ: — «Эй, Андрей Ивановичъ, лучше не стучи, а то вѣдь она тебѣ въ самомъ дѣлѣ насолить, и насолить страшно....» Ну, онъ и покорится.

При такихъ отношеніяхъ родителей, и бѣдному Ванѣ должно было-бы быть не такъ-то хорошо; однако, онъ нисколько отъ этого не терпѣлъ. Не говорю уже объ матери,—малютка часто пользовался и ласками отца, который,

повидимому, нисколько не подозрѣвалъ въ немъ главной причины раздора съ женою, и иногда, сейчасъ же послѣ ссоры съ нею, отправлялся въ дѣтскую, бралъ Ваню на руки, училъ маршировать и кормилъ вареньемъ, принесеннымъ туда же Анной Ивановной «для пробы». Объ ссорѣ небыло и помина. Такъ проходили недѣли, мѣсяцы, годы. Старики ссорились, мирились, пробовали варенье и откармливали Ваню, который, въ свою очередь, подросъ и уже началъ учиться грамотѣ, подъ руководствомъ приходскаго священника. отца Симеона, бойко разбиралъ церковную и гражданскую печать, писалъ, зналъ немного исторію, еще менѣе географію, четыре правила ариѳметики и латинскую азбуку,—которая, впрочемъ, незнаю почему,—нравилась Аннѣ Ивановнѣ и она запретила проходить ее далѣе двойныхъ слоговъ. Въ свободное отъ занятій время, Ваня самъ училъ дворовыхъ ребятшекъ: лазить по деревьямъ, ловить птицъ и ходить босыми ногами по лужамъ, отыскивая, по его словамъ, какой-то необитаемый островъ, на которомъ живутъ дикіе; но не находя ни острова, ни дикихъ, онъ, забрызганный по колѣно въ грязи, возвращался домой, и если нянька бранила его, или долго не давала переѣмнѣть

платья, то онъ сердился, увѣряя, что можетъ простудиться и умереть, и тогда ей достанется. Убѣжденная такими ясными доводами ребенка, старая нянька спѣшила одѣвать Ваню, который снова бѣжалъ на дворъ, или отыскивать островъ, или показывать, какъ вертится земля, катаясь по ней кубаремъ. Географія нравилась ему, какъ видно, болѣе другихъ наукъ. Не рѣдко сама Анна Ивановна, выйдя на крыльцо, заставляла его въ такихъ упражненіяхъ, и снисходительное сердце матери, не находя ничего предосудительнаго въ невинныхъ забавахъ ребенка, радовалось глядя на его увертливость, и только замѣчала, что такъ можетъ закружиться головка, да еще, приложивъ указательный палецъ къ губамъ, прибавляла въ полголоса, — «смотри Ваня, не увидалъ-бы отецъ; а то вѣдь онъ, знаешь...» Но маленькій шалунъ былъ остороженъ и всегда умѣлъ ускользнуть отъ глазъ Андрея Иваныча, который, впрочемъ, въ это время уже и небылъ такъ опасенъ, — не только для него, имѣющаго защитою Анну Ивановну; но даже дворовые съ каждымъ днемъ удостовѣрялись болѣе и болѣе, что строгій баринъ ихъ давно стоитъ на той ступени бытія, съ которой мы яснѣе предвидимъ будущее, нежели помнимъ прошедшее.

Однажды, сидя за обѣдомъ, Андрей Ивановичъ сказалъ: — «чтожъ, матушка, Анна Ивановна, пора-бы намъ Ваню-то отдать хоть въ гимназію. Малому двѣнадцать лѣтъ,—я въ его годы чуть-ли ужъ не служилъ; а онъ все дома повѣсничаетъ,—вѣдь изъ этого толку nebudeтъ, и послѣ на насъ-же станетъ плакаться». Анна Ивановна не въ первый разъ услышала отъ мужа подобное замѣчаніе; и она сама-бы не прочь пристроить сына и дать ему образованіе; но, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, она немогла представить себѣ Ваню на чужой сторонѣ безъ матери, и даже безъ няньки: и не доѣстъ-то онъ тамъ, и не доспитъ, да еще, помилуй Богъ, сломаетъ себѣ руку или ногу,—и чувство состраданія къ покинутому ребенку всегда брало верхъ надъ желаніемъ сдѣлать ему карьеру въ будущемъ; почему, на замѣчанія мужа насчетъ опредѣленія Вани въ гимназію, она обыкновенно отвѣчала со вздохомъ:—«какъ знаешь, Андрей Ивановичъ: это твое дѣло». Быть-можетъ и теперь воспослѣдовалъ-бы тотъ-же самый отвѣтъ, если-бы Анна Ивановна, выйдя передъ обѣдомъ на крыльцо, не услышала своего Ваню громко произносящаго тройные и четверные склады латинской азбуки, выученные имъ самимъ безъ по-